

Валерия Мухина

ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ: РОДОВЫЕ ТРАДИЦИИ – ПРАОСНОВА САМОСОЗНАНИЯ НАРОДОВ МИРА

Аннотация. Исследуются современные родовые культуры, сохранившие традиционное самосознание, а также естественное продолжение менталитета родовых предтеч у современных представителей родов, предэтнотрибальных и этнотрибальных, проживающих на отдаленных друг от друга территориях. Родовые традиции рассматриваются как праоснова самосознания современных цивилизованных народов и как продолжающаяся предтеча самосознания, будущих представителей последующих поколений.

Ключевые слова: родовое самосознание; шлейфы менталитета родовых предтеч у современных представителей цивилизаций; родовые знания и коды как праоснова самосознания народов мира; разнополюсные константы личностных качеств.

Abstract. Investigated contemporary tribal cultures that have preserved the traditional self-awareness, as well as a natural extension of the mentality of tribal forerunners in the modern representatives of civilizations living in distant areas. Tribal traditions are treated as self-praosnova modern civilized nations, and as the forerunner of the continuing self-consciousness, the future members of subsequent generations.

Keywords: tribal identity, tribal mentality plumes forerunners in the modern representatives of civilizations; tribal self-knowledge and code as praosnova peoples of the world; raznopolyisnye constants of pesonality qualities.

1. Родовое самосознание в контексте рождения и смерти

Истинно говорю вам,
что все сие придет на роды сей.
[Мф. 23:36]

Связь современных
общностей
с родовыми
предтечами

Связь многих современных человеческих общностей
(представителей: того или иного государства; нации; этносов; предэтнотрибальных групп; малочисленных народностей

и др.) с родовыми предтечами самосознания оказывается столь феноменологически закреплённой, что это требует специального рассмотрения. Автор приложил немало усилий для исследования самосознания современных землян и шлейфов менталитета родовых предтеч у современного поколения людей. Ментальность как уровень индивидуального и общественного сознания формируется в процессе истории у конкретной общности людей, организуя типические жизненные установки, мироощущение и миропонимание, формируя модели поведения, порождая типические эмоции и чувствования. Ментальность прорастает из глубин, образующих предтечи самосознания, в современное состояние самосознания потомков и неразрывно присутствует в способах восприятия мира, в мышлении и образах современного человека. Эта связь прошлого самосознания людей с сегодняшним естественно предполагает ее органическое присутствие в особенностях самосознания общностей будущих поколений.

Исследованию подлежат общности, которые сохранили по сей день свой родовой менталитет

Прежде всего, исследованию подлежали общности, которые явно сохранили по сей день свой родовой менталитет, свое родовое самосознание. Исследованию подвергались представители тех культур, в которых сохранились шлейфы самосознания со времен их родовых предтеч. Я изучаю народности России, их соединенность с родовым самосознанием предков, а также народы многих других стран, сохраняющие предтечи самосознания родовых предков (страны Африки, Азии, Латинской Америки). Исследования многочисленных народностей Крайнего севера, Севера Кавказа и других регионов России проводились в многочисленных экспедициях непосредственно под руководством автора [1; 2; 3], исследования народов стран указанных материков проводились под руководством и по методам, разработанным автором.

Интерес к феноменологической сущности человека, праосновы его самосознания

Родовые культуры, их этнография, особенности самосознания, вбирающие в себя опыт, знания, мифологию и традиции взаимодействий с другими внутри своего рода и вне его, изучались с давних пор и изучаются по сей день философами и представителями заинтересованных в познании феноменологической сущности человека наук. Сей интерес связан с потребностью проникнуть в истоки психологической составляющей праосновы самосознания современных так называемых цивилизованных народов. Это трудно поддающийся анализу познавательных интересов ученых замысел.

О подходах к продуктивному исследованию

Выдающийся российский ученый В. О. Ключевский писал о работе историка: «Мы, сторонние и равнодушные наблюдатели склада и формы чуждой нам и отдаленной от

нас жизни, расположены судить о ней по впечатлению, какое она *на нас* производит. Не будет ли справедливее, человечнее и *научнее* брать во внимание при этом суждения и те чувства и соображения, с какими работали над этой жизнью ее строители, и те впечатления, которые на них производила их *собственная* работа? Чтобы понимать своего собеседника, надобно знать, как сам он понимает слова и жесты, которыми с вами объясняется, а обычаи и порядки старой жизни – это язык понятий и интересов, которым старинные люди объяснялись друг с другом и объясняются с нами, их потомками и наблюдателями» [4, с. 465].

Влияние природы
на историю
человечества

С. М. Соловьев, сочиняя историю России с древних времен, начал с указания на природу и ее влияние на историю. Он писал: «Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Байкальского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях...» [5, с. 56]. Историк рассматривал условия становления славянских племен во взаимодействии с другими племенами и влияние природы на народный характер.

Следующий за С. М. Соловьевым другой историк – В. О. Ключевский – также рассматривал исторический процесс через отдельного человека, общество и природу.

Значение
исторического
процесса в развитии
человеческого
общества

В. О. Ключевский утверждал: «Все, что совершается во времени, имеет свою историю» [6].

Он правомерно считал, что *исторический процесс*, то есть ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества, – такой же факт мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы.

Историк рассматривал *общество* как историческую силу: люди живут вместе и в этой совместной жизни оказывают влияние друг на друга [6, с. 39]; могущественные пружины общежития вызываются к действию при нашей встрече с ближним, то есть навязываются нам обществом [6, с. 40]. Человеческая *личность*, людское *общество* и *природа страны* – вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие.

Значение связей
поколений для
наследования
и воспитания

Знаменательно, что все недюжинные историки, начиная со знаменитого грека Геродота, прозванного Отцом истории, указывали на тот факт, что образ жизни людей и события, им сопутствующие, подчиняются природным условиям.

Весьма важную мысль В. О. Ключевский сформулировал в отношении значения общения между поколениями

Родовые формы существования праславян канули в Лету

Все родовые культуры обладают общей феноменологической особенностью

Идея о родовых традициях как праоснове самосознания народов мира

ями. Он писал: «Общение возможно не только между отдельными лицами, но и между целыми чередующимися поколениями: это и есть *историческое преемство*. Оно состоит в том, что достояние одного поколения, материальное и духовное, передается другому. Средствами передачи служат *наследование и воспитание*. Время закрепляет усвояемое наследие новой нравственной связью, *историческим преданием*, которое, действуя из поколения в поколение, претворяет наследуемые от отцов и дедов заветы и блага в наследственные свойства и наклонности потомков» [6, с. 41].

Об этногенезе, происхождении русского народа, о русских племенах в девятом и десятом столетии нашей эры (и значительно ранее), писал Г. В. Вернадский в своей известнейшей работе, посвященной Древней Руси [7]. Автор полагал, что в древние времена существовали по крайней мере три группы протославянских племен, каждая из которых имела свой собственный диалект и свои особые обычаи.

Родовые формы существования праславян в непосредственных психологических проявлениях их самосознания канули в Лету. Мы можем лишь реконструировать портрет родового славянина, соотнося его типологию с представителями иных родов, предэтносов и народностей, проживающих и сегодня на земном шаре.

Все родовые культуры, независимо от того, где они возникали и развивались (на каких широтах и долготах нашего земного шара, в каких климатических условиях и каких ландшафтах формировалось их родовое самосознание) *обладают общей феноменологической особенностью*: во многих своих проявлениях *самосознание представителей всех родовых культур отличается уникальной идентичностью*. Как будто им всем был предначертан единый путь развития... Полагаю, что правомерно убрать это пресловутое «как будто» и переформулировать сказанное.

Все родовые культуры в начале человеческой истории развивались по единым закономерностям развития отношения человека к миру и развития родового самосознания.

Безусловно, верный подход к изучению предтеч нашего современного самосознания провидел В. О. Ключевский. Это его видение продуктивного исследования историка должно быть приложимо и к подходам иных, сопряженных, наук. В частности – к этнопсихологии человека и его рода.

Прежде, чем обсуждать сформулированную мною *идею относительно родовых традиций как праосновы*

Богатство
мифологии,
традиций
и верований
у родового человека

самосознания народов мира, следует обратиться к иным исследователям, интересующимся родовыми культурами. Для сравнений обратимся к исследованиям африканистов и народностей Севера (Россия, СССР, Россия).

В свое время советский ученый-африканист В. Иорданский писал о бесконечном богатстве мифологии, традиций и верований африканских народов как представителей родовых культур [8].

В. Иорданский тщательно исследовал, как в родовых культурах отражаются свойственные родоплеменным сообществам Тропической Африки представления о времени, пространстве, мифе, магии, личности; своеобразие мировоззрения, сознания; понимание прошлого и будущего; ступени жизни человека. Ученый показал особенности детства и отрочества в родовых культурах; позиции мужчин и женщин в отношениях друг с другом; отношение к старости и смерти.

Труд В. Иорданского – глубокое научное исследование коренных народов Африки, которое должно быть образцом не только для всех африканистов, но и для всех этнопсихологов. Тем не менее, нам предстоит обратиться к современным работам африканистов, которые не всегда соответствуют высокой планке, заданной большим ученым.

Культурные,
социальные и
аккультурационные
изменения
в современном мире

В современном мире глобализации, с которым сталкивается человечество, происходят культурные, социальные, аккультурационные, духовные и другие изменения. Я полагаю, что, когда речь идет о современных родовых сообществах, нет оснований говорить о проблемах этнического самосознания – речь может идти о самосознании представителей родов или о самосознании *предэтнической* общности коренного населения все еще связанного пуповиной с родовым самосознанием.

В то же время в XXI в. многие африканисты нередко называют объединения представителей родов этническими группами, что не вполне правомерно. Но так сложилась научная традиция у африканистов.

В российской науке этническими группами называют общности, имеющие общекультурные отличительные признаки, выраженные достаточно отчетливо и отличающие одну группу от других [9, с. 482–484].

В современной
Африке существует
более тысячи родов

В современной Африке существует более тысячи родов и этнических групп. Выделяют большую группу – народы банту, *которые* представлены во многих тропических южных странах Африки, в том числе в Анголе. Банту – это все южноафриканцы. Банту (от а-ва-ntu – «люди», название введено европейскими исследовате-

лями для говорящих на языках банту) – группа народов, населяющих большую часть Африки к югу от 6° северной широты. Общая численность – 200 млн человек, представителей многих родов. Для многих родов банту характерно двуязычие и многоязычие (в родовых культурах это свой язык и общий язык банту). Банту – христиане и мусульмане-суниты. Известно, что часть банту сохраняет традиционные верования – анимизм, шаманство и колдовство [10, с. 79–80].

Ангольский исследователь М. Джозе счел возможным говорить о племенном коллективе (или об этнических группах) [11, с. 66, 267].

Правомерно говорить о родовом самосознании как предэтническом

Я полагаю, что правомерно говорить о *родовом самосознании как предэтническом*, которое складывается из множества родов.

В пределах рода существуют вариации позиций и вариации самосознания

Уже говорилось о том, что в пределах рода существуют различия в самосознании у представителей этого рода: вождей, колдунов, шаманов; представителей разных деятельностей; кланов, семей; в различных возрастных группах; у мужчин и женщин, у представителей тайных обществ и религиозных общин. Различия зависят от статуса, условий жизни и видов занятий родов, положения человека внутри рода, от принадлежности к той или иной касте, к возрастной группе, к полу и т.п. Так, охотники одного рода отличаются от земледельцев того же рода своим миропониманием, тайными знаниями о животных и природе в целом, связанными с самовосприятием и отношением к другим членам рода, своими ценностями, своим самосознанием.

Различия могут существовать на фоне: мифологической картины мира; мистического способа познания мира; жизни в повседневных условиях; магического способа воздействия на мир при помощи традиционных обрядов и ритуалов; психологической зависимости от родовых тотемов и т.д. Самосознание представителей родовых культур Анголы представляет собой отражение истории рода в условиях определенных реалий, отражение опыта принадлежности к своему роду и его долговременному бытийному опыту. Сознание представителей рода включает в себя различные формы опыта в разных сферах бытия: мифы, иллюзии, представления о традициях, идеи и знания, ценности, идеалы, нормы, запреты, общие родовые и клановые символы и ритуалы – все эти факторы выстраивают особенное самосознание представителей каждого рода.

Миропонимание представителей родов

Мирознание и миропонимание представителей родов находится на эмпирическом уровне, оно представляет собой принятый набор знаний и правил, то есть

кодов. В то же самое время мирознание не представляет собой целостного знания, осознанного восприятия явлений. Отражение реальности скорее эмоциональное, синкретическое, чем концептуальное. Родовой человек находится в тесных отношениях со средой, которая его окружает. При этом критическая позиция по отношению к роду со стороны родового человека невозможна. Этот факт подтверждают многие исследователи.

Коллективная мысль существует в виде *табу* и *разрешений*, базой которых являются заветы предков. Неоднократно указывалось на то, что отношения внутри рода выраженно соответствуют модели «человек – род – человек» [1; 3, с. 557, 572, 837]. Это один из значимых для всех родовых культур *код*.

Нюансы родового самосознания обусловлены условиями и способами существования

Современные африканисты, в том числе исследователи из Анголы, достаточно противоречиво и непоследовательно описывают ментальные особенности населения страны (как представителей традиционной родовой, так и современной городской ментальности).

В течение десятков лет изучения народностей Крайнего севера России мною было установлено, что *различия и нюансы родовых предтеч самосознания всегда обусловлены условиями и способами существования, видом занятий и образом жизни*. До сего дня можно наблюдать родовую замкнутость на сложившихся традициях, мифах и миропонимании у народностей севера России.

Автором совместно с О. Ж. Канжунгу было показано, что различия и нюансы родовых самосознаний многочисленных племен Анголы обусловлены условиями и способами их существования, видом занятий и образом жизни. Среди них общие черты – низкий уровень экономического и технологического развития, родовая замкнутость на исторически сложившихся знаниях, мифах и миропонимании. Различия выражены в визуально-знаковой презентации каждого рода [12, с. 63–64].

Многие современные народы России сохраняют праосновы самосознания рода

В качестве уточнения понятий относительно представителей родовых культур следует указать на тот факт, что в России речь идет о многочисленных народностях Севера, когда их ментальность сохраняет *праосновы* самосознания рода, что речь идет о родах Бурятии и Северного Кавказа, где родовые ориентации продолжают доминировать в самосознании этой категории россиян [13; 14].

Родовое самосознание ориентировано на мифические прецеденты (случаи, имевшие место в прошлом – реальные или в сложившихся представлениях – и послужившие объяснением для последующих событий), на стабильность и неизменность. Исконно родовой

человек с трудом воспринимает новации в быту, хозяйстве, социальном устройстве. Многие народности и нации России по сей день явно сохраняют шлейф своих родовых предтеч.

Идея изначального порядка и гармонии, порожденных и установленных богами (родовыми, тотемными) и предками отрицает современный принцип понимания мира. Для носителей родового самосознания такой принцип противоречит сути их культуры, законам их мировоззрения и мироощущения.

Отношение человека
рода к жизни
и смерти

Чрезвычайно важно обсудить особенности отношения представителей родов к *жизни и смерти*, к двум противоречащим сущностям, очерченных магической границей и одновременно связанных друг с другом.

В самосознании многих представителей родов Крайнего севера России (коренных народностей) *жизнь* ценится как особый дар, который передается фатальным образом от предков и духов. Рождение ребенка – большая ценность, так как в нем возвращается ушедший на небо его предок. Когда должен родиться ребенок, все начинают ждать: «Кто придет?». Многие народности Севера (например, чукчи, эскимосы) до недавних пор всем поселком ждали примет, которые подскажут, кто хочет прийти вновь в этот мир. В семье это ожидание того, кто хочет вернуться «оттуда», имеет место по сей день.

Люди рода ждали
знака: кто грядет
в эту жизнь?

Старые люди, родители, шаманы напрягались в ожидании *знака* того, кто грядет. *Знаком* мог быть предмет ушедшего, который вдруг упадет; *знаком* мог быть сон, в котором явился ушедший; *знаком* мог стать возникший образ умершего, который захотел вернуться...

Уже отмечалось, что «имя, передаваемое внутри рода новорожденному от его предков, охраняло ребенка. Следовало только угадать, кто из предков “сверху” просится “вернуться” в новорожденного. Очень важно, например, было для коренных народностей Севера правильно истолковывать знаки, которые подают неодушевленные предметы или животные о том, какое имя следует дать ребенку» [1, с. 53]. «Приход» духа умершего предка к матери будущего новорожденного определял его имянаречение при рождении и определял развитие качеств ребенка, так как свойства предка переходили к новорожденному. Имя, благодаря предку, глубоко входило в самосознание нареченного и определяло его будущие качества и *удачливость* в избранной трудовой деятельности. Удачливость – особо ценимое в родовых культурах свойство, дарованное человеку духами.

В родовом
самосознании
допускалась
возможность
переименовать
младенца

Если новорожденный, получивший имя предка, был плох (долго болел, много плакал и т.д.), родовая семья тревожилась. Считалось, что ошиблись, дали ребенку неправильное имя, вернули не того предка. Чтобы младенец остался в этом мире, чтобы жил, члены рода совершали символические действия, снимающие неправильно данное имя. Так, лопари нередко омывали болящего младенца настоем ольховой воды, тем самым смывая с ребенка старое имя. Затем нарекали новым именем [15, с. 178]. В случае болезней взрослого человека также могли переименовать.

Прежде широко
были
распространены
защитные имена

Во многих родовых культурах Севера, чтобы не повредить ребенку, скрывали его истинное имя и давали фальшивое (имя-ложь, имя-маска). Все это делалось, чтобы злой дух или враг обманулись и не повредили. С той же целью детям давали имена животных, растений, неодушевленных предметов, чтобы злой дух ошибся и вселился в животное, растение, неодушевленный предмет, у которых для защиты ребенка забрали имя. Иногда давали отвратительные по смыслу защитные имена (например, «Червяк, который завелся в гниющем мясе»), чтобы злему духу стало противно и он отступил.

Имя – знак
и защитник
его носителя

В целом родовой человек придавал чрезвычайное значение своему имени как знаку-защитнику. Он идентифицировался со своим именем как с лучшим, что было у предка. Имя было надеждой на полноценную жизнь, защитником от многих опасностей.

Крещение как
естественный
процесс
именаречения

В России еще в царские времена православные священники обращали народности Севера в православие: крестили, нарекали новыми (в основном византийскими по происхождению) именами. Крещение происходило в купели – младенца трижды окунали в освященную воду и освещали крестным знаменем: предполагалось, что Дух Святой войдет в дух младенца. Акт православного крещения был близок мифологическому родовому сознанию народностей Севера: наряду с многочисленными божествами и духами Бог в трех своих ипостасях легко был принят как главный Бог над всеми другими богами. Но исконная традиция ожидать того, кто хочет вернуться с Неба и вновь начать жить через новорожденного, осталась в самосознании северян как неизменная.

Шлейфы
из прошлого
сохраняют свою силу
в настоящем

По сей день многие представители народностей Севера ожидают «знаков» от тех, кто хочет вернуться в эту жизнь.

Чукчи и *эскимосы* наблюдают за поведением вещей умерших, оставшихся в доме (ловят приметы), доверяют своим знаковым снам, ловят знаковые образы, возникшие в сознании.

Ханты и манси и сегодня нередко совершают символические действия возле новорожденных, называя исконные имена и наблюдая за «поведением» ритуального предмета (например, ножа), который содействует ритуалу угадывания имени новорожденного. При этом сегодня родители могут дать имя ребенку по моде современного именика и официально закрепить его в метрике о рождении. Но бабушка или тетя все равно возымеют намерение узнать, кто из усопших хочет вернуться через младенца, и все равно объявят об этом семье. И все будут знать это родовое имя.

Носитель родового имени всегда будет помнить не только само имя, переданное ему через родовые традиции, но и личностные качества того, кто предстоит в нем духовно, качества, которые он унаследовал через родовой обряд.

Вообще имянарекание в веках осуществлялось через символические действия с водой и маслами.

За многие тысячи километров от народностей Севера России, в южной части Африки (например, в Ангольских поселениях современных родов) сегодня находим сакральные места, где новорожденных нарекают через ритуальные поисковые действия и через омовение заветной водой из заветной купели.

На фото 1 представлено сакральное место для наречения новорожденного в пределах рода *мумула* (О. Ж. Канжунгу, экспедиция 2010 г.).

Вождь (или достойный старик) выносит младенца из хижины к сакральному месту имянаречения. В данном случае это камень с полостью для воды, собранной ритуальным способом. Камень поставлен возле священного дерева, ветки других знаковых деревьев располагают традиционным для обряда образом.

Младенца неоднократно опускают в воду сакральной купели. При этом вызывают духа предка, который готов войти в ребенка. Появление духа предка собравшиеся опознают через измененное состояние сознания, вызываемое напряженным ожиданием, волнением от значимости происходящего акта и особенности мифологического сознания. Когда имя опознано, все возводят руки к небу, приветствуя пришедшего в этот мир для новой жизни.

Подобные акции имянаречения продолжают осуществляться и поныне не только на Севере России и в

Имянаречение
нередко
осуществлялось
через символические
действия с водой

Фото 1. Ангола. Деревня Шивингило. Род мамула. Сакральное место для наречения новорожденного: у основания дерева каменная купель с дождевой водой (2010)

Новорожденного
через имянаречение
привязывают
к реалиям этого
мира

Анголе, но повсюду, где сохраняется мифологическое самосознание у представителей родовой культуры или у тех народностей, которые несут в своем самосознании выраженный шлейф менталитета родовых предтеч.

Жизнь утверждается не только фактом ритуального принятия новорожденного и через него ушедшего когда-то предка, но и привязанностью новорожденного к природному, предметному и образно-знаковому миру, в котором и бытуют все поколения рода.

Народности Севера нарекали новорожденных именами: предметов природы (деревьев, камней, воды, ягод, животных и др.); предметов орудий охоты, рыбной ловли, оленеводства, домашней утвари; знаковых значений и смыслов, отражающих качества человека. Был период во второй половине XX столетия, когда родовые имена стали уходить в Лету... Однако вдруг (или не вдруг, закономерно) возникла волна возрождения связи с родовым именем.

В России проживает много предэтносов и этносов, которые неизменно в целом сохраняют свой исконный именник (это носители православия, исламской религии, иудаизма, носители шаманизма, буддизма, это и народности, сохраняющие многие родовые традиции).

В то же время сегодня в Африке мы наблюдаем те же тенденции: не только представители родов, но и многие современные образованные, урбанизированные люди носят с гордостью свои родовые имена и не забывают, из какого рода они произошли.

Сакральное
отношение к жизни
через инициации,
беременность
и рождение

Новорожденный – особое событие рода, с ним связана жизнь и смерть. Отношение к рождению младенца и его возможной скорой смерти мы сегодня обсуждать не будем – это особая сфера переживаний и табуированного

Фото 2. Ангола. Род хамба. Девушки-подростки, прошедшие обряд инициации на взрослость. (фото этнографа Алваро Фонсека, 2010)

поведения внутри рода. Однако весьма важно указать на особый статус юных девушек, прошедших инициации и получивших право рожать детей (*фото 2*). Их готовят через инициации к предстоящей взрослой семейной жизни и к продолжению рода.

В условиях некоторых родовых культур беременные женщины не только получают особый статус внутри родовых

Фото 3. Ангола. Род гереро. Молодые беременные женщины пребывают в отведенных специально для них местах, где проводят дни в ожидании разрешения от бремени

Сохранение
контроля
за исконными
способами
выживания

Жизнь —
изначальная,
безусловная
ценность

Фото 4. Ангола. Род мукубаль. Шесть жен и многочисленные дети состоятельного, уважаемого человека, который имеет много скота и поэтому может содержать большую семью

отношений, но и переселяются в особые сакральные места для совместного проживания (фото 3. О. Ж. Канжунгу, экспедиция 2010 г.).

Особый статус внутри рода имеет также мужчина, который может предоставить себе возможность стать главой большого семейства (фото 4. О. Ж. Канжунгу, экспедиция 2010 г.).

Отношение к рождению ребенка, к материнству и отцовству в родовых культурах традиционно упорядочено. После

того, как юноши и девушки проходят обряд инициации, сообщество ожидает от них иного поведения: для них становится строго обязательным исполнять родовые нормативы и соответствовать родовым ожиданиям. Все ждут, что они в скором времени образуют семью.

Ханты в России, в отличие от представителей родов Анголы, сегодня уже не проходят специальных обрядов инициаций, связанных с продолжением рода, однако овладение исконными способами выживания (охота, рыбная ловля, оленеводство) контролируется и оценивается сообществом по сей день («Хороший, удачливый охотник!»).

Жизнь для представителей родовых культур — изначальная, безусловная ценность, априори данная природой. В суровых природных условиях неспешно времена

года сменяют друг друга, неспешно текут воды северных рек, давая возможность коренным жителям промышлять рыбной ловлей, неспешно охотники ловят и убивают дичь для прокорма своих семей. Характер хантов и манси под стать ритмам природы: генетически в них заложена неспешность, спокойствие, размеренность. Эта особенность проявляется в способах общения и в самой речи.

Жизнь человеческая, ее внутренняя сила, одна-

Сегодня
этнопсихологи
способны
рефлексивно
вникать в чувства
и мысли
представителей
родовых культур

Для всех народов
мира жизнь
сосуществует рядом
со смертью

ко, проявляется в постоянной деятельности, направленной на выживание рода и отдельного его представителя; в безусловной смелости в охоте, в долготерпении и сноровке в рыбной ловле, в противостоянии стихиям (будь то на Крайнем севере в России или на юге Африки); в следовании законам табу и родового долга; в принятии традиционного образа жизни и образа мышления.

Сегодня этнопсихологи – не сторонние наблюдатели чуждой им жизни. Они уже способны к идентификации с самосознанием представителей иных культур, способны рефлексивно вникнуть в чувства и образ мыслей людей, принадлежащих современным родовым сообществам, тем или иным современным цивилизациям [1; 2; 3].

Человечество в целом обучается проникновению в сущностные особенности составляющих его родов, пред-этносов, этносов, наций и других социально-исторических общностей [12, с. 61–83]. Для успеха в познании других следует *усваивать* накопившиеся в Великом идеополе общечеловеческие *знания* и пользоваться ими в соответствии с многовековым опытом познания человеком всего рода человеческого [3].

В самосознании всех народов мира жизнь сосуществует рядом со смертью. Человечество проникнуто пониманием того, что *каждый* уйдет из жизни, что *каждый* бременен.

Для народностей Севера жизнь существует рядом со смертью, смерть существует рядом с жизнью. В самосознании многих представителей родов Крайнего севера России (коренных народностей) загробный мир подобен, но не идентичен земному. Традиции захоронений народностей Севера во многом схожи с традициями африканских родов, как схожи и их представления о загробном мире.

Для представителя рода связь жизни и смерти существует безусловно.

Смерть не есть небытие для представителей родового самосознания. *Смерть* – это скорее *инобытие* – существование в *ином континууме, в мире предков*, который связан с миром живых по законам партиципации, по законам состояния амбивалентности.

Согласно данным многих исследований, в самосознании представителей родов и современных цивилизаций между мирами жизни и смерти поддерживается постоянная связь. Присутствие связи между жизнью и смертью принимается как априорная.

Жизнь и смерть –
центральная
категория
в понимании мира

Об отношении родового человека к жизни и смерти подробно писал еще Дж. Фрезер. Он показал, как в самосознании представителей рода соединяются символы жизни и смерти, как накладываются табу на имена умерших и другие символические связи живого и мертвого [16, с. 241–243, 363 и др.]. Символическую связь жизни и смерти в самосознании родового человека изучала и я путем множественных методов (проективных, рефлексивных бесед и др.) с представителями родов (с мужчинами и женщинами, с шаманами и старейшинами).

Согласно многим исследованиям, жизнь и смерть являются центральной, сущностной категорией в понимании мира человеком рода. *Жизнь и жизненная сила* (жизненная энергия, жизненный фонд) имеют при этом первостепенное значение.

С точки зрения человека рода, жизненной силой наделено на Земле все: сам человек, каждое живое существо, растения и предметы обладают общей жизненной силой, однако эта сила представлена не в равной мере. Представители народностей севера России и родов Африки совпадают во мнении о том, что наиболее значительной жизненной силой наделен только человек. Человек при этом способен приумножать эту силу. И сегодня мы, представители современных цивилизаций, того же мнения о потенциальных возможностях человека.

В родовом самосознании народностей Крайнего севера сама жизнь творит энергию тела и духа человека. Эти свойства проявляются в телесной и духовной реальностях человека.

Можно также обратиться к мнению африканистов. Так, Р. Алтуна писал о том, что в самосознании банту сама жизнь и внутренняя реальность человека проявляются в дыхании и поддерживаются пищей [17, с. 60].

Материалы, собранные в полевых наблюдениях родовых особенностей самосознания, и специальные методы исследования (проективный метод, глубинная рефлексия и др.), проводимые под моим руководством, показали следующее.

Ценность
жизненной силы
в самосознании рода

Согласно представлениям представителей родов, феномен жизненной силы, прежде всего, присущ человеку. *Жизненная сила* неодинакова у отдельных людей. В родовом самосознании в большей степени ею обладают вожди, шаманы, старейшины, колдуны, мужчины (по сравнению с женщинами). *Жизненная сила* избранных может распространяться *как* на предметы, в которые они специально вложили свою энергию, *так* и на других людей.

Родовой человек видел истоки жизненных сил в своих вождях, шаманах, лучших охотниках. Именно эта категория людей не только доминировала внутри рода, но и определяла жизнеспособность всего рода. Члены рода учились у своих вождей и лучших охотников, поведение которых определяло для них образцовую модель жизни в условиях выстаивания в природных катаклизмах. В условиях жизни рода выстраивались правила бытия, обязанности и права каждого.

Переход умершего
в иной мир у чукчей
и эскимосов

В картину мира родового человека входили представления о связи жизни и смерти, о переходе жизни в другую ипостась (смерть) и о переходе из смерти в новую жизнь. Эти первые представления человека о смерти определяли то, как живые провожали умершего в иной мир.

На Крайнем севере чукчи и эскимосы веками выносили тела умерших на некое расстояние от своих поселений, стараясь положить их на возвышенное место. Сухой травой слегка обкладывали усопшего и поджигали, чтобы сопутствовать уходу его духа в мир мертвых. С чувством глубокой причастности к событию открывали одежды и вспарывали брюшину и грудную клетку покойника, возложив вскрытую часть до лица. Именно в таком состоянии тело умершего оповещало хищников о смерти человека. Мужчины досматривали за телом. Когда оказывалось, что труп исчез, все с облегчением вздыхали: «Он ушел на небо!». Переход в иной мир состоялся.

Займствования
из других традиций
могут стать
абсурдными

Позднее, в XX столетии, когда поселки разрослись и появились новые северные города (Анадырь, например), все живущие в новых местах люди СССР (русские, украинцы, евреи, чукчи, эскимосы и др.) стали хоронить умерших по христианским традициям в землю (на севере – в глубокий лед, в вечную мерзлоту). Однако чукчи и эскимосы, приняв этот способ захоронения, все-таки, как и прежде, тайно вскрывали чрево своих покойников. Уже в гробу. Так, в процессе изменений жизни люди с родовыми шлейфами самосознания пытались воссоединить невоссоединяемые традиции своего рода и традиции, заимствованные от других народов, сложившиеся в иных природных условиях.

Займствования из иных традиций, сложившихся в иных условиях, могут оказаться абсурдными.

Природные условия
жизни хантов
и манси

На северо-западе Сибири, в Ханты-мансийском округе, иные природные условия: климат мягче, чем на Чукотке. Среди многочисленных болот и озер – леса и реки (фото 5).

Здесь больше возможностей к благополучному проживанию и выживанию (фото 6).

Фото 5. Россия. Земля хантов. Вид с высоты птичьего полета на особенности природных условий Ханты-мансийского края: реки, ручьи и леса

Фото 6. Россия. Река Казым. Рыбаки привезли пойманную рыбу для сдачи в кооператив. Традиционные и современные лодки. Экспедиция (август, 2011)

Основные традиционные деятельности хантов связаны к временам года, к флоре и фауне этих регионов России. Летом рыбная ловля хантов и ненцев базировалась на использовании запоров, перегораживающих небольшие реки (фото 7).

Фото 7. Россия. Ханты-Мансийский автономный округ. Рыбная ловля хантов и ненцев базировалась на использовании запоров, перегораживающих небольшие реки

Местные даровитые художники запечатлевали окружающий мир и действующих в нем людей. Так, замечательный хантыйский художник Артем Гришкин (1931–1995) изобразил охотника (рис. 1), рыбаков (рис. 2), встречу охотника с медведем (рис. 3) и многое другое. Его наивный экспрессивный стиль примитивиста – подражание непрофессиональному запечатлению обыденной жизни хантов. Его картины – гимн окружающей хантов природе и их полнокровной жизни, требующей высокой выучки.

Повторюсь: в самосознании родовых культур рядом с жизнью обитает смерть. Умирает все: деревья, трава, животные. Умирают в свое время и люди.

Проводы умерших связаны с природными циклами.

Смерть – это уход в другое измерение, но не уход в небытие. Когда умирает человек, ханты делают куколку без лица – знакового представителя умершего в этом

Переход в иной мир у хантов и манси

Рис. 1. Россия.
Хантыйский
художник
Артем Гришкин.
«Охотник»

живом мире. Поминают женщин 40, мужчин – 50 дней. Куколку «кормят» свежей едой.

Весной, когда подходит срок поминовений умершего, погребальную куклу кладут в символический чум и подкладывают туда чучело птички чирка. Поджигают. Если огонь взялся хорошо, все легко сгорело, значит душа усопшего легко отлетела на Север. В эту пору все птицы летят на Север.

Осенью, когда подходит срок поминовений умершего, погребальную куклу кладут в символический чум у реки и подкладывают туда тушку рыбки сырок (или пелять). Разводят костерок вокруг погребального сооружения и ждут, чтобы все сгорело и душа легко ушла на Север. В эту пору все рыбы устремляются к Северному Ледовитому океану.

Подобные обряды духовного перехода в иной мир совершаются и у манси.

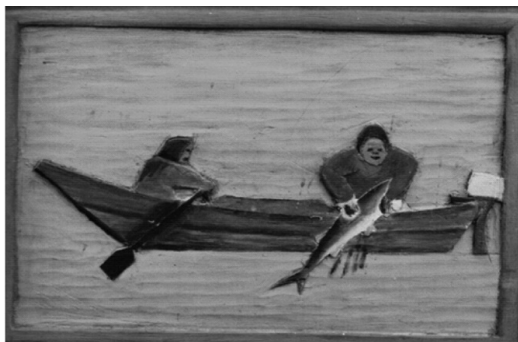

Рис. 2. Артем Гришкин. «Рыбаки»

Рис. 3. Артем Гришкин. «Встреча
с медведем»

Символическое погребение растянуто во времени. Реально тела своих умерших ханты хоронят на своих традиционных кладбищах.

Специфика
традиционных
захоронений хантов

Традиционные могилы хантов представляют собой специфические захоронения, частично возвышающиеся над поверхностью земли (боковины сделаны из досок). Прежде крыша покрывалась дерном (фото 8), а нынче – досками и рубероидом (фото 9). Тленные останки хантских захоронений – «крыши» могил из дерна – обрушились в образовавшиеся могильные пустоты (фото 10). Возле традиционной могилы хантов – нарты как знак того, что здесь похоронен оленевод (фото 11). Новые захоронения хантов традиционны, но уже – с крестами в изголовье (фото 12). Православные кресты в изголовье могил хантов весьма синкретичны: нижние перекладины на крестах располагаются под разными углами.

По сей день, когда хоронят оленевода, к могиле прилагают нарты, на которых он ездил в своей обыденной

Фото 8. Россия. Ханты-Мансийский автономный округ. Пос. Казым*. Тленные останки хантйских захоронений – «крыши» могил из дерна (Ханты-Мансийский автономный округ, Белоярская обл., пос. Казым. Национальное захоронение хантов. Август, 2011)**

Фото 9. Новое захоронение хантов. Видно традиционное «оконце» (справа). Крыша покрыта рубероидом. В изголовье – венок – заимствование из иных традиций

Фото 10. Распадающиеся от тлена захоронения хантов. Сочетания традиционных захоронений и православных крестов. Слева – «крыша» могилы из дерна

Фото 11. Хантйское традиционное захоронение. Нарты приложены к могиле в знак того, что здесь похоронен оленевод

Заимствования из иных традиций могут сосуществовать

жизни; когда хоронят рыбака, к могиле прилагают удочки; когда хоронят охотника, к могиле прилагают символический охотничий нож. Так что могилы несут в себе образно-знаковые указания на основную деятельность мужчины.

Постепенно ханты стали устанавливать у своих традиционных захоронений православные кресты (как у русских). Однако можно наблюдать явную путаницу в расположении перекладин креста.

Традиционно в православии порядок таков. Вверху – дощечка, на которой обозначена вина казненного. (У Иисуса на дощечке Понтий Пилат начертал «ИНЦИ»:

* Далее – там же.

** Далее – в то же время.

Фото 12. Разнообразие крестов на могилах хантов. Внимание: нижние перекладины крестов располагаются под разными углами

«Иисус Назорей, Царь Иудейский». Надпись, написанная словами греческими, римскими и еврейскими [Лк. 23:38]). Под ней – горизонтальная перекладина, на которой распяли руки Христа. Ниже – перекладина под углом (выше с левой стороны и ниже с правой, левая сторона указывает на раскаявшегося разбойника, который пойдет на небо вслед за Христом, а правая указывает на хулителя, который пойдет в ад. Самая нижняя перекладина – подножие. В древности подножие ставилось горизонтально. Однако существует образ классического православного креста (рис. 4).

На кладбище у хантов (как, впрочем, нередко и у русских) кресты с нижними перекладинами устанавливаются произвольно, что создает визуальный и смыслообразующий диссонанс.

Ритуалы вхождения на кладбище и выхода из него

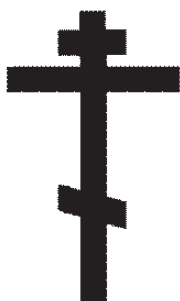

Рис. 4. Классический православный крест

Традиционные и новые захоронения хантов, однако, не изменяют ритуалов вхождения к могилам и выхода с кладбища. Входят на кладбище спокойно, как бы переступая *границу* мертвого царства. У могилы наводят порядок, общаются с покойным через специальное оконце.

Там, где предполагается выход с кладбища, как бы существует *невидимая черта*, на границе с которой устраивается ритуальный костерок, предназначенный для того, чтобы остановить возможное движение мертвых вслед за живыми, чтобы не навредили, не увели за собой. По сей день все уходящие с кладбища зажигают этот костерок (хотя бы символически, из спичек): загробный мир мертвых должен неизменно находиться на отведенном ему месте. Жизнь, конечно, существует рядом со смертью, но: *живым – живое, мертвым – мертвое. О границе не следует забывать.*

В традиционном самосознании рода границы между мертвыми и живыми не выражены так четко, как у представителей более продвинутых цивилизаций. Именно эта особенность самосознания человека рода требует знаковых ритуальных действий.

Наука сегодня поставляет нам знания о *врожденном генотипе*, о *социальных условиях*, в которых развивается человек, о *внутренней позиции*, которую занимает для себя человек, и которая во многом определяет, как он будет развивать в себе потенциал жизненных сил.

Родовые знания
и коды

Мы видим, что родовая культура уже создала в своем потенциале продуктивные знания о жизни, которые продолжают сохраняться и развиваться глубже у представителей последующих поколений. *Родовые знания и коды служат праосновой самосознания современного человечества.*

Феноменологи-
ческая сущность
рода человеческого

Родовой человек при помощи набора конвенций и кодов, которые сформировались в межличностном общении, четко ориентируется в мифах, тотемах и табу, во всех циклах года, когда сменяются виды деятельности, периоды инициаций, празднеств и самой обыденной жизни.

Важно указать на феноменологическую особенность рода человеческого: современные представители родов, проживающие на разных континентах и не имеющие реальных возможностей контактировать друг с другом, во многих своих проявлениях отличаются феноменологической выраженностью идентичности самосознания.

О нашем долге
по отношению
к первобытному
человеку

В этой связи следует с благодарностью вспомнить мысли Дж. Дж. Фрезера о нашем долге по отношению к первобытному человеку.

Английский этнолог справедливо полагал: «...Мы испытываем чувство благодарности по отношению к безымянным, забытым труженикам, чей терпеливый поиск и кипучая деятельность сделали нас тем, чем мы ныне являемся. Та или иная конкретная эпоха, не говоря уже о конкретном человеке, может внести в сокровищницу знаний весьма незначительный вклад. <...> На долю культуры первобытного общества слишком часто выпадают только презрение, насмешки и осуждение. Между тем в числе благодетелей человечества, которых мы обязаны с благодарностью чтить, многие, если не большинство, были первобытными людьми. В конечном счете мы не так уж отличаемся от этих людей, и многим из того истинного и полезного, что так бережно сохраняем, мы обязаны нашим грубым предкам, накопившим и передавшим нам по наследству фундаментальные представления, которые мы склонны рассматривать как нечто самобытное и интуитивно данное. Мы как бы являемся наследниками состояния, которое переходило из рук в руки столько раз, что изгладилась

память о тех, кто заложил его основание, поэтому нынешние обладатели считают его своим изначальным и неотъемлемым достоянием» [16, с. 252]. Однако, безусловно, тщательное изучение самосознания представителей первобытного общества убеждает добросовестного исследователя в том, что *большой частью доставшегося нам достояния знаний и практического опыта мы обязаны им – своим предшественникам, представителям родовой культуры.*

(Продолжение следует)

1. Мухина В. С. Проблема генезиса личности. – М., 1985.

2. Мухина В. С. Современное самосознание народов Севера // Психологический журнал. – 1988. – № 4. – С. 44–52; Мухина В. С. Психология межнациональных отношений и воздействие на нее средствами массовой информации // Средства массовой информации и национальные отношения. – М., 1989; Мухина В. С. Оказание психологической помощи пострадавшим от землетрясения в Армении // Психологический журнал. – М., 1989, № 5; Мухина В. С. Этнопсихология: настоящее и будущее // Психологический журнал. – 1994. – № 3. – С. 42–49; Мухина В. С. Этническое самосознание в контексте межэтнических отношений // Психология сегодня. Ежегодник Российского психологического общества. – М., 1996. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 74–75; Мухина В. С. Этническое самосознание в контексте межэтнических отношений // V Международные Рождественские чтения 1996 года. – Московская патриархия, 1996; Мухина В. С. Мы и дивный новый мир // VI Международные Рождественские образовательные чтения. – Московская Патриархия, 1998. – С. 310–321; Мухина В. С. Личность и этносы в условиях столкновения цивилизаций // Мир психологии. – 2001. – № 4. – С. 114–127; Мухина В. С. Этнология: Программа // Развитие личности. – 2001. – № 2. – С. 4–26; Мухина В. С. Психология этнической идентичности детей коренных малочисленных народностей Севера // Развитие личности. – 2001. – № 3–4. – С. 55–75; Мухина В. С. Личность в условиях этнического возрождения и столкновения цивилизаций: XXI век // Развитие личности. – 2002. – № 1. – С. 16–39; Мухина В. С. Предметный мир как жизненное пространство личности // Развитие личности. –

2003. – № 2. – С. 227–234; *Мухина В. С., Хватов К. А.* Коренные жители Объединенных Арабских Эмиратов: вчера, сегодня, завтра // Развитие личности. – № 3. – С. 144–147 (в соавторстве); *Мухина В. С., Лю Цуньин.* Ян Бо, его «Уродливый китаец» и все остальные люди // Развитие личности. – 2005. – № 2. – С. 112–122 (в соавторстве); *Мухина В. С.* Феноменологическая сущность мифов и реалий личности // Развитие личности. – 2005. – № 3. – С. 11–30; *Мухина В. С.* Реальность образно-знаковых систем // Развитие личности. – 2006. – № 1. – С. 8–39; *Мухина В. С.* Реальность социального пространства // Развитие личности. – 2006. – № 2. – С. 10–27; *Мухина В. С.* Реальность социального пространства // Развитие личности. – 2006. – № 3. – С. 16–50; *Мухина В. С., Манчилина Е. А.* Особенности самосознания жителей Восточной окраины России: результаты изучения менталитета населения островов Курильской гряды // Развитие личности. – 2007. – № 4. – С. 155–166; *Мухина В. С., Манчилина Е. А.* Особенности самосознания граждан Восточной окраины России (на материале исследования жителей островов Курильской гряды) // Развитие личности. – 2008. – № 4. – С. 38–52; *Мухина В. С.* Идентификация и обособление как взаимосвязанные процессы // Диалог культур и партнерство цивилизаций. VIII Международные Лихачевские научные чтения. 22-23 мая 2008 года. – СПб. – С. 125–127; *Мухина В. С.* Многовековое таинство духовного роста: буддизм Бурятии // Развитие личности. – 2010. – № 2. – С. 99–124; *Мухина В. С., Дугарова Т. Ц.* Ментальные особенности современных бурят в России // Развитие личности. – 2010. – № 2. – С. 164–175; *Мухина В. С.* Личностные ориентации человека в условиях разных конфессий России // XI Международные Лихачевские научные чтения 12-13 мая 2011 года: «Диалог культур в условиях глобализации». – СПб., 2011. – С. 374–376.

3. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 2-е изд., исправл. и дополн. – М., 2010.

4. *Ключевский В. О.* Комментарии. Материалы разных лет: Соч. в 9 т. Т. 5 IX. – М., 1990.

5. *Соловьев С. М.* История России с древних времен: Соч. в 18 т. Кн. 1. Т. 12. – М., 1988.

6. *Ключевский В. О.* Курс русской истории: Соч. в 9 т. Т. 1. – М., 1987.

7. *Вернадский Г. В.* История России. Древняя Русь: Пер. с англ. – Тверь, 1996.

8. *Иорданский В.* Хаос и гармония. – М., 1982.
9. *Тишкова В. А.* Этничность. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. – М., 2010.
10. Банту // Народы и религии мира: Энциклопедия. – М., 1999.
11. *Jose M. I.* Uma nova Cultura. – Luanda: edicoes de Angola, 2010.
12. *Мухина В., Канжунгу О.* Из прошлого в XXI век: визуально-знаковая презентация головы, лица и тела в современных родовых культурах Африки // Развитие личности. – 2010. – № 2. – С. 200–213; *Мухина В., Канжунгу О.* Сущностные особенности этнического самосознания у современных африканцев родовых культур // Развитие личности. – 2011. – № 1. – С. 183.
13. *Мухина В. С.* Многовековое таинство духовного роста: буддизм Бурятии // Развитие личности. – 2010. – № 2. – С. 99–124; *Мухина В., Дугарова Т.* Ментальные особенности современных бурят России // Развитие личности. – 2010. – № 2. – С. 164–175.
14. *Эльдиев А. Б.* Специфика этно-религиозной ментальности ингушей // Развитие личности. – 2010. – № 1. – С. 211–224.
15. *Харузин Н.* Русские лопари (Очерк прошлого и современного быта). – М., 1890. – С. 178.
16. *Фрезер Дж. Дж.* Золотая ветвь. – М., 1984.
17. *Altuna R.* Cultura tradicionat bantu. – Luanda, 2006.

